

Книга жизни великого мыслителя

В один из сентябрьских дней 1904 года Лев Николаевич Толстой, выйдя к завтраку, сказал своим домочадцам и гостям:

— А я сегодня провел время в прекрасной компании: Сократ, Руссо, Кант, Амшель,— и, удивляясь, как могут люди пренебрегать этими великими мудрецами и вместо них читать бездарные и глупые книги модных писателей, добавил: — Это все равно, если бы человек, имея здоровую и питательную пищу, стал бы брать с помойной ямы очистки, мусор, тухлую еду и есть их (1).

В это время писатель работал над «Кругом чтения» — сборником афоризмов, легенд, высказываний и коротких рассказов, составленных из произведений мыслителей разных стран, народов и времен, а также собственных писаний. Располагались они по темам ко всем дням целого года. Этот сборник, по мнению Льва Николаевича, должен был стать настольной книгой для всякого, кто искал смысл жизни. Читать ее надо было не как обычную книгу, а постепенно, день за днем, постигая заключенную в ней мудрость.

«Кругу чтения» Толстой придавал большое значение и считал ее важнейшей книгой своей жизни.

— Я не понимаю, — говорил он после выхода книги, — как это люди не пользуются «Кругом чтения»? Что может быть драгоценнее, как ежедневно входить в общение с мудрейшими людьми мира? (2) ...Какая хорошая книга! Я сам ее составлял, и каждый раз, когда ее читаю, я духовно возвышаюсь (3).

Если заглянуть в творческую лабораторию писателя, то на одной из страниц его записной книжки за 1904—1905 годы имеется список задуманных им рассказов для «Круга чтения» (4). Эти рассказы Лев Николаевич намеревался помещать в рубрике «Недельное чтение» через каждые семь дней, начиная с 7 января. По его мнению, они должны были соответствовать содержанию каждого дня и как бы подводить итог чтению за неделю, являясь, по меткому выражению П. И. Бирюкова, «...колокольчиками, привлекающими внимание» (5).

Первоначально Л. Н. Толстой задумал темы для 28 рассказов, о чем сообщил И. И. Горбунову-Посадову. Спустя некоторое время количество тем увеличилось до 34. Вот их названия: 1) Ушедший странствовать от жены; 2) Кормилицы; 3) Жена пьяницы; 4) Оскорбитель-врач во власти; 5) Убийца, ужаснувшийся непротивлению; 6) Радость юродства; 7) Сновидения царя; 8) Александр Кузьмич; 9) Переманинов; 10) Паскаль; 11) Бродяга-князь; 12) Ребенок и старик; 13) Устюша. Три сестры; 14) Бестужева-Рюмина казнь; 15) Блудный сын; 16) Блудная жена; 17) Труп; 18) Отказ от военной службы; 19) Екатерина на суде; 20) Николай и казнь; 21) Шпион кается; 22) Землевладелица и мужики; 23) Любитель умирает во время спектакля; 24) Ангел велит убить ребенка; 25) Старик идет по воде к обедне; 26) Убийство Натальи (Минкиной, любовницы Аракчеева); 27) Менгдена сыновья; 28) Мужики едут судиться; 29) Дуняшка-горничная, преследуемая как крыса; 30) Елизавета и Лашетарди, пелеринаж в Троице; 31) Нехлюдов—деревенский; 32) Переселенцы; 33) Жировой; 34) Казак беглый (55, 301—302). Из намеченных сюжетов Львом Николаевичем были обработаны только восемь (1, 5, 7, 8, 10, 17, 24, 25), а остальные так и остались замыслами (6).

Секретарь и биограф писателя Н. Н. Гусев, комментируя список задуманных Толстым рассказов, сообщает сведения о 20 сюжетах (1, 2, 5, 8—10, 14, 17—20, 24—28, 30—33), а в отношении остальных замечает, что «...прочие нам неизвестны» (55; 584). Среди них значится и рассказ «Шпион кается», числящийся в записной книжке Л. Н. Толстого под номером 21 (55; 302).

Раскаявшийся шпион, кто он?

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним биографию писателя. Из имеющихся в нашем распоряжении литературных и архивных источников, известны два случая, когда внедренные в окружение Толстого агенты тайной полиции признавались ему в своих грехах. Первым был студент Петербургского Лесного института Федор Симон (1887 г.), а вторым — унтер-офицер Тульского губернского жандармского управления Прокофий Кириллов (1896 г.). Признание Ф. Симона о сотрудничестве с тайной полицией оставалось для многих друзей писателя тайной, а вот признание тульского жандарма П. Кириллова получило широкий резонанс (7).

Следует предположить, что появление Кириллова в Ясной Поляне было связано с арестом в марте 1896 года тульского врача Марии Холевинской, обвиняемой в распространении запрещенных произведений Л. Н. Толстого. Одновременно с ее арестом начальник Тульского губернского жандармского управления (далее ГЖУ — В.Ч) полковник Миллер возбудил ходатайство перед Департаментом полиции о привлечении к дознанию в качестве обвиняемых графа Льва Толстого, как автора найденных преступных рукописей, а также его дочь Татьяну, как распространительницу. Однако Департамент полиции своим циркуляром от 1 апреля 1896 года предписывал, что «...ввиду особого занимаемого графом Толстым положения в качестве знаменитого отечественного писателя, возбуждение против него преследования... может повлечь за собою крайне нежелательные последствия», а поэтому по согласованию с мини-

стерством юстиции привлечение Толстого и его дочери к дознанию по делу Холевинской «...признается в настоящее время нежелательным» (8).

Несмотря на такое указание из Петербурга, полковник Миллер не терял надежды отыскать новый компромат против Толстого. В начале мая в Ясную Поляну был командирован секретный агент Иван Егоров (из запасных фельдфебелей), который шесть раз в течение трех недель приезжал в имение Толстых, а также в деревню Ясенки, где расспрашивал крестьян об их беседах с графом, фиксировал всех посетителей Ясной Поляны (9). К большому сожалению жандармов, отыскать какую-либо «крамолу» в действиях Толстого сыщику не удалось. Тогда полковник Миллер решил осуществить более сложную агентурную комбинацию.

В конце мая 1896 года в Ясной Поляне появился молодой человек, назвавшийся Прокофием Кирилловым, рабочим из Тулы. Сначала он попросил Льва Николаевича дать ему почитать книги, а спустя несколько дней — и запрещенные цензурой его статьи.

Прооба Кириллова была удовлетворена, о чем свидетельствуют записи в записной книжке Толстого. На одной из страниц рукой Кириллова написано «Тула. Петровская улица, д. Диковой. Прокофий Трофимов Кириллов». Далее следует запись, сделанная рукой дочери писателя М. Л. Толстой — «Письмо к..., Письмо Попова. Учение 12 Апостолов. Гонение на христиан. Царство Божие» (53; 282). Из разговоров с новым знакомым Лев Николаевич понял, что тот по своим убеждениям «нигилист и атеист». Их беседы нередко заканчивались горячими спорами. «Я от всей души говорил ему, что думаю», — писал впоследствии Толстой (69; 105).

Шпион кается

В начале июня Кириллов снова появился в Ясной Поляне. «Сидим мы раз все на террасе, — вспоминает Софья Андреевна Толстая, — подходит какой-то человек и прямо подходит к Л(ьву) Н(иколаевичу). Его спросили, что ему нужно. Он говорит, что нужно с Л. Н. побеседовать. Л. Н., как всегда, согласился и пошел с ним в дом» (10). Зайдя в кабинет, Кириллов передал Толстому записку, в которой сообщалось, что он является жандармским унтер-офицером и по заданию начальника Тульского ГЖУ должен следить за тем, что делается в Ясной Поляне. Далее Кириллов писал, что ему стало нравственно невыносимо исполнять свои служебные шпионские обязанности и он во всем признается Толстому (69; 105). По словам жены писателя, раскаявшийся жандарм якобы говорил: «О чем я буду доносить?.. Здесь все живут как святые...» (10).

Композитор С. И. Танеев, гостивший в это время в Ясной Поляне, отметил 6 июня 1896 года в своем дневнике: «Л. Н. за ужином рассказал, что к нему ходил человек, бравший у него книги, «Царство божие» и другие. Сегодня он ему подал бумагу и просил прочесть; в бумаге он признается, что он шпион, посланный жандармск(им) полковником, и говорит, что его мучила совесть и он решил признаться Льву Николаевичу» (11).

О чем именно говорил писатель с Кирилловым, прочтя его записку, нам неизвестно, но на следующий день в письме к сыну Льву Толстой писал:

«Вчера у меня было удивительное событие. Раза три ко мне приходил штатский молодой человек из Тулы, прося дать ему книг. Я давал ему мои статьи некоторые и говорил с ним. Он по убеждению нигилист и атеист. Я от всей души говорил ему, что думаю. Вчера он пришел и подал мне записку. Прочтите, говорит, потом вы скажете, что вы думаете обо мне. В записке было сказано, что он жандармский унтер-офицер, шпион, подсланный ко мне, чтобы узнать, что у меня делается, и что ему стало невыносимо, и он вот открывается мне. Очень мне было и жалко, и гадко, и приятно» (69; 105).

Софья Андреевна, комментируя впоследствии слова мужа, писала: «То, что правительство приставило его (Кириллова — В. Ч.) к должности шпиона, было противно Льву Николаевичу, но, с другой стороны, раскаяние и признание жандарма в том, что он делает дурное дело, доставило Льву Николаевичу радость» (10).

Большое значение факту раскаяния жандарма придавали последователи Толстого, видя в нем торжество толстовских идей и их очищающее влияние на «заблудшихся».

И. М. Трегубов в письме от 2 июля 1896 года писал Льву Николаевичу: «На днях я узнал, как к Вам ходил переодетый жандарм и как он потом покаялся в своем грехе. Это — чудо, и я убедительно прошу Вас записать или рассказать кому другому и попросить его записать все, что произошло с первого появления этого жандарма до последнего его слова и движения... Еще и еще подтверждение того, что Царство Божие близко» (83: 370). Однако просьба Трегубова осталась неисполненной. 8 июня Толстой в своем дневнике об этом событии оставил лишь краткую запись: «Третьего дня был жандарм-шпион, который признался, что он подослан ко мне. Было и приятно, и гадко» (53; 88).

Таким образом, есть все основания предполагать, что именно этот случай из жизни Толстого должен был лечь в основу рассказа «Шпион кается», который Лев Николаевич намеревался написать для «Круга чтения». К сожалению, замысел писателя так и остался нереализованным.

Три письма от «бывшего Тульской жандармерии шпиона»

Как же сложилась дальнейшая судьба раскаявшегося жандарма? Об этом мы узнаем из его писем Л. Н. Толстому, хранящихся в Рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве. Эти письма ранее полностью не публиковались и широкой литературной общественности неизвестны (12). Их текст дается на языке оригинала с соблюдением авторской орфографии.

Первое письмо от Кириллова пришло в Ясную Поляну через полтора месяца после его последней встречи с Л. Н. Толстым. На почтовом конверте довольно таки каллиграфическим почерком значился адрес: «Козловска-засака Московско-Курск(ой) жел(езной) дор(оги). Его Сиятельству графу Льву Николаевичу Толстому. «Ясная Поляна».

«Ваше Сиятельство! Лев Николаевич,— писал Прокофий Трофимович.— Я уволен со службы шпионов в дисциплинарном порядке (сего августа буду отправлен из г. Тулы в г. Муром Владимирской губ(ернии)(на родину) средств к жизни никаких не имею и не знаю теперь что мне делать?»

Нет ли у Вас кого-либо на моей родине из знакомых, по рекомендации которых я мог бы поступить на какое либо место. Родственников у меня на родине нет (они живут в Сибири). На первое время не знаю даже к кому и приехать. Помогите Лев Николаевич в этом моем первом шаге на трудовую жизнь. Напишите (конечно если можете) кому-либо, чтобы меня приняли на место хотя и не завидное, я и тому буду рад теперь. Не боюсь я за себя так, как боюсь за то чтобы не заставить голодать мое семейство, а в особенности моего ребенка.

На днях я приеду к Вашему Сиятельству... и попрошу еще у Вас рекомендательного (хоть на какое-нибудь место) письма. Я согласен в отъезд куда угодно (но лучше бы куда ни будь на Юг). Неоставьте моей просьбы за что буду весьма благодарен.

Июля 25 дня 96 г.

Ваш п(окорный) слуга

бывший жандарм

Прокофий Трофимов Кириллов

Тула».

После получения этого письма Лев Николаевич откликнулся на просьбу бывшего жандарма по приисканию работы для него. Были проведены переговоры с директором-распорядителем Судаковского чугуноплавильного завода П. П. Ризом, которого писатель хорошо знал. Петр Петрович дал согласие предоставить работу протеже Толстого, о чем свидетельствует второе письмо Кириллова. В нем он сообщал ясно-полянскому адресату:

«Ваше Сиятельство Лев Николаевич. Честь имею покорнейше просить Вас (если это не затруднит Ваше Сиятельство, и найдет время) сообщить господину Рису, что я в данное время свободен и следовательно могу занять место (обещанное мне г. Рисом) сейчас же по получении мной ответа.

Так как я в г. Муром по некоторым соображениям не поехал, и не поеду. А также не найдется ли возможным попросить г. Риса поместить меня с семейством (в одном из вновь строящихся зданий на квартиру, что даст мне возможность серьезнее (не отрываясь) относиться к порученному мне делу, и быть постоянно на своем месте.

Если свободного для помещения меня места на заводе не окажется, то хоть не будет ли контора завода так любезна по отношению ко мне сообщить род моих обязанностей и занятий, что мне даст средство соображаясь с данными мне обязанностями, снять квартиру и где будет удобно, а также было-бы мне жалование узнать и оклад жалованья (хотя я это считаю не обязательным для себя).

Считаю долгом предупредить контору завода чрез посредство Вашего Сиятельства, что я как техническими, а так равно и кондитерскими способностями не обладаю, и нигде при подобного рода постройках участия не принимал, пусть все это при назначении меня на новую должность принимали-бы во внимание.

Увольнительные документы я еще из Управления не получал, но это кажется не имеет большого значения, потому что меня все знают из полицейских чинов, а, во-вторых, я их получу очень скоро через день-два или три дня.

Остаюсь в совершенном почтении

Вашего Сиятельства покорн(ый) слуга Кириллов.

1896 г. Августа дня г. Тула».

Прошел почти год. Следующее письмо от Кириллова Лев Николаевич получил 24 июня 1897 года из Одессы. Судя по его содержанию, предложенная П. П. Ризом бывшему жандарму работа его не удовлетворила и он вместе с семьей в поисках лучшей жизни отправился на юг России.

«Ваше Сиятельство Лев Николаевич! — писал Кириллов. — Шлю Вам сердечный привет из далекого Юга, куда меня загнала жажда всеведения. Хлеба доставать трудом я научился, и благодаря Вашим добрым советам превратился из лежебоки и трутня в рабочего, но духовно моя жажда не удовлетворена. Читаю всякую дрянь из бесплатных городских читален, интересуюсь всякой заметкой газет о Вашем здоровье, но к сожалению это очень редко выпадает на мою долю, узнал что Вы были в СПб (Санкт-Петербурге — В. Ч.), думал приехать в Тирасполь посмотреть пещеры Тырновских затворников да и только.

Жил около 3-х месяцев в Киеве, видел все шарлатанство (прикрытое религиозными верованиями) Киевских монахов. Дух мой возмущался при одном воспоминании всех видов обирания в Лавре верующих христиан этими русскими иезуитами. Я ездил в Константинополь и сравнивая магометанство с христианством пришел к тому убеждению что в смысле купли, продажи и обирания Христианство стоит на очень низкой ступени религиозных верований человека.

Посылаю Вам вырезку из одной Одесской газеты о Вашем двойнике на острове Цейлоне. Извините Ваше Сиятельство, что осмеливаюсь Вас беспокоить всякими

пустышками. Выезжаю сегодня в Севастополь, где пробуду около 2 или 3 недель. Не откажите прислать мне что-нибудь почитать, если можно то вышлите, пожалуйста, брошюрку (точно название которой не упомяну) в которой говорится о преследовании людей отказывающихся от солдатчины, за что буду благодарен.

Адрес: г. Севастополь до Востребования Прокофию Кириллову.

Или что нибудь в этом духе, от жажды духовной и без умственной пищи, положительно приходишь в оцепенелое состояние.

Желаю здоровья.

Бывший Тульской Жандармерии Шпион

П. Кириллов».

В конверте вместе с письмом находилась вырезка из газеты «Одесский листок» от 1 (13) июня 1897 г. (№ 141) со статьей В. Дорошевича «На Сахалине». XXV. Граф Толстой о. Цейлона».

Это было последнее письмо П. Т. Кириллова в Ясную Поляну.

Примечания

1. Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. Воспоминания и дневник бывшего секретаря Л. Н. Толстого.. 1909—1909. Сост., вст. статья и прим. А. И. Шифмана. М., 1973.— С. 47.

2. Там же.— С. 158.

3. У Толстого. «Яснополяские записки» Д. П. Маковицкого // Литературное наследство. Т. 90.. М., 1979. Кн.3.— С. 405.

4. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбил. изд.). М., 1937. Т. 55. С. 301—302. Все последующие ссылки на сочинения Л. Н. Толстого даются в тексте по данному изданию: первая цифра обозначает том, вторая — страницу.

5. У Толстого. «Яснополяские записки» Д. П. Маковицкого // Литературное наследство. Т. 90. М., 1979. Кн.1. — С. 166.

6. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891—1910. М., 1960. С. 503—504.

7. Об агентах тайной полиции, следивших за Л. Н. Толстым, см.: Чисников В. Н. Справа яснополянского агента // Наука і суспільство (Київ).— 1985.— № 9 — С. 59—61; Его же. Агенты охраны в Ясной Поляне // Социалистическая законность (Москва).— 1988.— № 11.— С. 61—64; Его же. Лев Толстой: «Я под присмотром тайной полиции...» // Именем закона (Киев).— 1991.— июль — август (№ 27—30); 1992.— 29 мая (№ 22); Его же. «Имею честь донести...» (Неопубликованные полицейские донесения об уходе и смерти Л. Н. Толстого) // Именем закона.— 1992.— 20 ноября (№ 47); Его же. Не Симонов, а Симон ! // Новый журнал.— 1995.— № 1.— 189—190; Его же. Шпионы в Ясной Поляне // Шпион (Москва).— 1995.— Вып. 7.— С.60—67; Л. Н. Толстой и С. В. Зубатов // Русская классика: проблемы интерпретации. Материалы XI Барышниковских чтений.— Липецк: ЛГПУ, 2002.— С. 78—87; Его же. Секретная миссия студента Симона // В мире спецслужб (Киев).— 2004.— № 5.— С. 45—48; Его же. Жандармский обыск в Ясной Поляне // В мире спецслужб.— 2006.— № 3(15) (апрель).— С. 36—41; Его же. Владимир Кривош: «оставить в подозрении» // Нева.— 2008.— № 7.— С. 216—224; Его же. Тайное отпевание на могиле Л. Н. Толстого 12 декабря 1912 года // Нева.— 2008.— № 9.— С. 219—228; Его же. Федя Протасов — агент Охранки?! Загадка пьесы Л. Н. Толстого «Живой труп» // Нева.— 2013.— № 1.— С. 211—223.

8. Рукописный отдел ГМТ. Дело Департамента полиции № 349. ч. 2 «Записки об учении графа Л. Н. Толстого», л. д. 33.

9. Петухов А. А. Беседы с тульскими рабочими // Советские архивы.— 1978.— № 5.— С. 98.

10. Толстая С. А. Моя жизнь // Новый мир.— 1978.— №8.— С. 118.

11.Танеев С. И. Дневники. Кн. 1: 1894—1898.— М., 1981.— С. 158.

12. Некоторые выдержки из писем П. Т. Кириллова были опубликованы автором статьи в газетах «Коммунар (Тула)», 1988, 18 авг. и «Юридичний вісник України» (2001, 7—13 верес., № 36).